

An impressionistic painting of a sky with soft, blended colors of blue, white, and orange, suggesting a sunset or sunrise. The brushstrokes are visible and textured.

Собачий ребенок

Назаров Владимир

Владимир Георгиевич Назаров

Собачий ребенок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69716182

SelfPub; 2023

Аннотация

Что нужно, чтобы быть счастливым? Ничего особенного – чтобы сырая зима сменилась на солнечные дни; чтобы в доме появился щенок и чтобы несчастье отступило от девочки-подростка.

Владимир Назаров

Собачий ребенок

В жизни бывает все, но главное, что особенно досаждал так это скука. И ее бы можно было стерпеть, если бы в глубине, на задворках скуки ни стояла боль. Причем ни твоя, уж как ни будь перетерпелось бы, а той женщины, которая родила тебя тридцать два года назад, в сентябре месяце на редкость хмуром и ненастном. Она сидела за столом, заваленном книгами и тетрадями, а напротив нее сидела девочка с грязными волосами. Тонкий хрящеватый нос судорожно подергивался, он бедолага пытался сдержаться, вернее сдержаться в себе, но тщетно; из ноздрей выпрессовывалась белесая слизь, тогда слышалось склизкое швыркивание и все длилось достаточно долго, чтобы заболеть от омерзения.

В больших «венецьянских» окнах школы шел снег. Шел? Падал? Бежал с неба на землю? Да ничего подобного! Стоял неподвижно между грязно-серыми облаками и раскисшей землей. И когда ты выходил из помещения то тебя окутывало нечто влажное, жирное – словно окунули тебя в английский пудинг, достаточно прокисший.

В школьном воздухе, напоенном подростковыми запахами было сыро, по холодному сыро, хотя отопление работало и от батареи, на которую ты прижалась спиной ощутило тянуло теплом.

Она поднялась и достала из шкафа толстую вязаную кофту. Мамой связанную. Мамой. Лучше не думать. Почему она, эта девочка, Настя кажется, да, Прохорова Настя, так безобразно, как это сказать? швыркает носом. Фу! И я окончила филологический с отличием, смешно, швыркает, хотя достаточно точно. И почему от Насти Прохоровой всегда пахнет какой-то гадостью. Землей какой-то, нестиранной одеждой, плохо вымытым телом, или вообще не мытым. Но это уж слишком. Кто у нее родители? Надо у классной спросить. Последняя консультация и домой. Господи, домой. Не хочется. Грешно, но не хочется. Не потому что не хочется, а просто от жалости перехватывает дыхание.

Самое ужасное, что на работу тебе к восьми, но просыпаясь ты в половине пятого. Ничего еще не произошло, но знаешь, что произойдет обязательно. И лежишь с закрытыми глазами и ровно дышишь, и ждешь. И осторожные шаги, такие осторожные как ей кажется, маме кажется; мама идет мимо моей спальни, но ноги плохо слушаются, они не успевают за телом, и такое ощущение будто волокут по ламинату нечто тяжелое и шершавое. А потом кухня. Да, кастрюля и сковородка. Запахи яичницы. И наступает момент, жуткий момент раннего утра, когда больные руки выпускают либо кастрюлю с кашей, либо сковородку с яичницей и все это с грохотом рушится на пол. И плач, тихий-претихий и горький. И едва различимый шепот; прости меня доченька. Мама, мамочка родная не готовь для меня завтраки! Но как это

сказать?!

Она поднялась со стула и прошла по учительской; пятая половица от левой стены привычно проскрипела нечто неразборчивое, но злобное, Ленин в восточном углу такой милый и простой с лукавыми и веселыми глазами под низко надвинутой кепочке, окно с деревьями маленького школьного садика, но сейчас накрытое снегом, несколько недорогих кое-где даже обшарпанных учительских стола, шкаф и рядом большое зеркало, и она остановилась по неистребимой женской привычке оглядеть себя: все ли в порядке? Русоволосая, сероглазая с хорошей немного плотной фигурой: в черной юбке и высоких сапогах, фи, вроде ничего себе, но вот именно: ничего себе. Я вспомнила: я навещала, короче давала уроки на дому, дурацкое правило навещать больных детей. Нет не Настю, мальчика из ... восьмого класса, да, из восьмого ... б ... в ... не важно: дом врос в землю, от времени, от плохого болотистого грунта и окна только четвертушкой смотрели во двор и там в двух крохотных комнатах жило, неужели это слово применимо здесь, восемь человек: шестеро детей разного возраста, двое взрослых, старуха со скрюченной спиной и женщина, ее дочь, лет сорока прикрывала рот с целью придавить запах скверной водки: еще собачка с тремя щенками под детской кроваткой и рыжий кот в обнимку с конопатым мальчиком на просевшем диване. Не о том! О запахе. От Насти пахло подвалом, бедностью, тюремной камерой. Хотя, наверное, в зоне?.. ладно почему в

советской стране люди так живут? Глупый вопрос и несправедливый. Мать пьющая, отца посадили за злостное хулиганство (206, ч.2 – знающе объяснила скрюченная старуха), но их не бросили на произвол судьбы: по социалке обеспечивают одеждой, питание в школе бесплатное. Чего я несу! И от подвальной семьи и от Насти с прохуdivшимся носом ощутимо и опасно тянет застарелым несчастьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.